

В последние годы своей жизни Вадим Валерианович Кожинов немало общался с журналистами. А больше всего бесед на самые острые и злободневные темы состоялось у него с Виктором Кожемяко, представлявшим газеты “Правда” и “Советская Россия”. Вручая ему летом 1999 года только что вышедший двухтомник “Россия. Век XX”, Вадим Валерианович написал: “Дорогой Виктор Стефанович! Очень рад нашему давнему сотрудничеству и, глубже, содружеству!”

К 10-летию смерти В. В. Кожинова в издательстве “Алгоритм” выходит книга его бесед с Виктором Кожемяко и воспоминаний, статей, выступлений известного публициста о его выдающемся собеседнике. Книга будет называться “Уроки русского”. В нее вошло и несколько бесед, которые при жизни Вадима Валериановича остались неопубликованными. Сегодня мы печатаем одну из них.

ВИКТОР КОЖЕМЯКО

УРОКИ РУССКОГО

(Беседа с В. В. Кожиновым)

Сталин, Гитлер и союзники

Если бы дожил Вадим Валерианович Кожинов до июня 2010 года, лишний раз убедился бы, что ненавистники Отечества по-прежнему задают тон и среди так называемых российских историков, и в средствах массовой информации. Но и в конце девяностых, и в самом начале нулевых в прессе и на телеэкране мелькали фотографии, запечатлевшие подписание пакта о ненападении между СССР и Германией 23 августа 1939 года, где Сталин – рядом с гитлеровским посланцем Риббентропом.

– Но почему, – говорил Кожинов как раз в связи с теми снимками, – “демократические” СМИ так крепко помнят одно и напрочь забывают другое? Есть ведь фотографии гораздо более выразительные, но куда менее известные.

– Что имеете в виду?

Привожу далее не публиковавшийся фрагмент одной из моих бесед с выдающимся историком и философом, к сожалению, оставшейся незавершенной.

Вадим Кожинов: Имею в виду события почти за год до подписания пресловутого пакта. По вполне понятным причинам на Западе не любят о них вспоминать. Но ведь и у нас все последнее десятилетие или даже пятнадцатилетие не вспоминают! Да оно и понятно: выгодной профессией стало всячески очернять родную страну, представлять ее исчадием ада – Запад же при этом, разумеется, выглядит сугубо добропорядочным. В его интересах стараются “демократические” пропагандисты! И у людей уже утвердилась в головах искаженная картина предвоенных событий: Сталин с Гитлером против Европы, ставшей их жертвой. Хотя обстояло-то все в той сложнейшей международной обстановке совершенно иначе.

Виктор КОЖЕМЯКО: Вернемся к фотографиям.

Вад. К.: Да, я хотел бы сказать об одной, которую вовсе не публикуют. Здесь Гитлер, стоящий на лестнице своего высокогорного дворца в юго-восточной Баварии, взирает сверху на расположенного двумя ступеньками ниже британского премьер-министра Чемберлена. У того очень усталый вид, он еле держится на ногах: ведь мало того, что на двадцать лет старше Гитлера, — еще и совершил беспрецедентное для себя, крайне утомительное путешествие.

Вик. К.: Насколько я понимаю, вы говорите о 15 сентября 1938 года.

Вад. К.: Правильно. Ранним утром именно этого дня почти семидесятилетний (через два года он скончается) премьер-министр огромной Британской империи впервые в жизни (!) входит в самолет и при тогдашних скоростях авиации несколько часов летит до Мюнхена, а затем еще несколько часов добирается до Бергхофа — поместья, расположенного высоко в горах, где, конечно же, ради дополнительного унижения, соизволил принять его Гитлер. А ведь Сталин-то к Гитлеру на поклон не летал!

Вик. К.: Надо пояснить читателю, чем вызван был тот визит британского премьера.

Вад. К.: В этом вся суть. Летел он для сугубо конфиденциальных переговоров, о смысле которых сообщил лишь немногим доверенным лицам, назвав свой проект для секретности “планом Зет”. Вот как изложил его в письме одному из ближайших сподвижников: “. . . я сумею убедить его (то есть Гитлера), что у него имеется неповторимая возможность достичь англо-немецкого понимания путем мирного решения чехословацкого вопроса. . . и поэтому необходимо мирным путем преодолеть наши нынешние трудности. . . Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России”.

Вик. К.: Многозначительная оговорка! “Кроме России” . . .

Вад. К.: Это не просто оговорка. Это, если хотите, тоже относится к самой сути “плана Зет”. Договориться с Гитлером помимо нашей страны, за ее спиной, за ее счет! Ведь и главная конечная цель состояла в том, чтобы уговорить Гитлера двигаться на Восток, дав ему полное право и возможность по своему усмотрению распоряжаться в Восточной Европе.

Вик. К.: К этому времени Гитлер уже присоединил к Германии Австрию.

Вад. К.: Да, 12 марта 1938 года. И вот премьер-министры Франции и Великобритании — Даладьё и Чемберлен в ходе по-своему трогательных визитов к Гитлеру (которых Сталин ни при каких условиях не предпринимал!) вступают с ним в договоренности, позволявшие Германии уверенно двигаться на Восток.

Вик. К.: И это называлось “умиротворением” Гитлера. . .

Вад. К.: Западные лидеры, что называется, за ценой не постояли. Не стеснялись никакого унижения! Замечу: тот же Чемберлен после первого визита к Гитлеру 15 сентября 1938-го (предварительно просил фюрера о личной встрече) являлся на поклон к нему еще и в Бад-Годесберг около Бонна 22 сентября и, наконец, третий раз — в Мюнхен, 29 сентября. Лишь бы было достигнуто “решение, приемлемое для всех, кроме России”!

Вик. К.: Что ж, и оно было достигнуто.

Вад. К.: Подчеркну: почти за год до того, как был подписан (уже вынужденно!) советско-германский пакт о ненападении. Про этот пакт, как вы знаете, до сих пор трубят на всех углах, стремясь еще и еще раз бросить тень на нашу страну, а между тем абсолютно аналогичный договор с Гитлером заключил премьер Великобритании Невилл Чемберлен — 29 сентября 1938 года. В официальном документе, составленном 30 сентября, говорилось: “Мы, Фюрер и Канцлер Германии и Премьер-Министр Великобритании, рассматриваем подписанное вчера соглашение как символизирующее волю обоих народов никогда больше не вступать в войну друг против друга”.

Вик. К.: То есть руки у Гитлера были развязаны.

Вад. К.: Конечно. Что закреплялось “символизирующим соглашением”? Признание права Гитлера на отторжение от Чехословакии Судетской области. А вслед за этим, меньше чем через полгода — 15 марта 1939 года, следует захват немцами Чехии полностью. И так далее. Значит, надо же признать, что “пакт Гитлера-Чемберлена” фактически являлся разделом Европы! Нет, не признают. Помалкивают.

Вик. К.: Зато о “пакте Молотова-Риббентропа”, который по существу был ответной и вынужденной мерой, вы совершенно точно сказали — трубят на всех углах. Не только западные пропагандисты, но и, если позволено будет

так их назвать, — российские. Точнее-то, конечно, антироссийские! Ведь в своей пропаганде руководствуются отнюдь не интересами Отечества, не из этих интересов исходят...

Вад. К.: Вот на этом понятии — интересы — стоило бы сделать особый акцент! Политика — всегда соотношение и нередко противостояние интересов: известен афоризм Черчилля на сей счет. Есть сегодня интересы России, а есть — США. Были в то время, о котором мы говорим, интересы Советского Союза, а еще — Германии, других европейских стран, тех же Соединенных Штатов. Так вот Сталин, как бы к нему ни относиться, отстаивал интересы своей страны, хотя и не без каких-то ошибок, что, впрочем, следует признать неизбежным в столь сложной международной обстановке. Однако повторю, совершенно очевидно: служил он своей стране, а не прислуживал неким зарубежным хозяевам, что так же очевидно, допустим, у Ельцина с Козыревым...

Вик. К.: Но сколько обвинений, по сути — именно за это, за служение Отечеству, обрушивается на голову Сталина со стороны всяческих так называемых демократов! И, разумеется, пакт с гитлеровской Германией припоминают в первую очередь.

Вад. К.: Иногда просто смешно читать, до каких нелепостей доходит. Незбы известный Волкогонов в конце 80-х годов назвал пакт с Германией “отступлением от ленинских норм внешней политики”. Дескать, “советская страна опустилась до уровня... империалистических держав”. Тогда еще, заметьте, у Волкогонова и подобных ему перевертышей “ленинские нормы” звучали как нечто идеальное, а “империалистические державы” — как негатив. Это пока шло уничтожение Сталина. Но скоро и за Ленина они возьмутся. И тогда поменяется терминология: идеалом станут именно империалистические державы — “демократические”, а Сталина будут преподносить уже не как отступившего от ленинских норм, а просто как воплощение уникального, беспрецедентного цинизма и ужасающей низости. Еще бы — вступил в сговор с самим Гитлером!

А вот то, что Сталин, по существу, повторил содеянное за год до этого англичанином Чемберленом, что сталинский “цинизм” был, можно сказать, порожден чемберленовским цинизмом, — замалчивается. В результате абсолютное большинство наших соотечественников нынче об этом не знают. Им внушили сплошной комплекс неполноценности или даже преступности относительно родной страны — ее политики, ее народа, ее руководителей, в том числе в годы перед великой войной.

Вик. К.: Между тем тогда для нашей страны ведь действительно была сложнейшая окружающая обстановка, угрожавшая нам (вполне реально!) гибелью. Сталин четко понимал: война обязательно будет, причем война, которой против нас может пойти весь или почти весь объединенный Запад, а на востоке — Япония... Подготовка к обороне (именно к обороне, а не к агрессии, как внушают нынче какой-нибудь Резун-Суворов вместе с Александром Яковлевым, Евгением Киселевым и проч.) стала по сути главным направлением партийной и государственной политики в 30-е годы. Даже раньше, пожалуй. Коллективизация на селе, строительство мощной современной индустрии, модернизация армии — все так или иначе призвано было способствовать этому. И как важен был выигрыш времени, каким продуманным и взвешенным должен быть каждый дипломатический шаг... Теперь-то легко рассуждать да бросать упреки Сталину. Как у Шота Руставели сказано: “Всякий мнит себя стратегом, видя бой со стороны”.

Вад. К.: Вы правы. Это даже не критика Сталина — это пропаганда, направленная против своей страны. Полностью отрешающаяся от реального положения, в котором страна тогда находилась, и ставящая во главу угла вовсе не ее интересы!

Что же касается Сталина... Вот много болтают о “культе личности”. Мне же часто видится, что ярые ниспровергатели этого самого культа больше всех в себе его и несут.

Например, в своей книге “Россия. Век XX”, выпущенной издательством “Алгоритм”, я привожу цитату из работы доктора исторических наук М. М. Наринского. Он пишет: “Говоря о политике Советского Союза, Сталин цинично заметил: “Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались”.

Вик. К.: О чем конкретно речь? Скажите для читателей.

Вад. К.: О суждениях Сталина в связи с объявлением войны Германии со стороны Франции и Великобритании 3 сентября 1939 года. Он тогда будто бы

пооткровенничал в самом тесном кругу – Молотов, Ворошилов, Георгий Димитров, а опубликовано это недавно: “Мы не прочь, чтобы они подрались хорошоенько и ослабили друг друга. Неплохо, если бы руками Германии было бы расшатано положение богатейших капиталистических стран...”

Вот это – цинично. С точки зрения нынешней “либеральной” историографии войны...

Вик. К.: А вы как оцениваете?

Вад. К.: Да ведь в словах Сталина, если они действительно прозвучали, выражено типичнейшее отношение любого государственного деятеля любой страны к войне, которая разразилась между соперниками этой страны. Заурядная, сказал бы я, постановка вопроса! Ну, может быть, Сталин не стал бы повторять это публично... Так опять же – в политике далеко не все произносится публично, есть многое, так сказать, и для внутреннего потребления.

Но, коли уж речь о цинизме, я должен напомнить реакцию Черчилля на германское вторжение в нашу страну – по его собственному признанию, она была восторженной. Почему же Сталина проклинают за его “циничную” удовлетворенность началом войны между Германией и Англией, а об удовлетворенности, даже ликовании Черчилля в совершенно аналогичной ситуации молчат?

Или вот приведу заявление сенатора и будущего президента США Гарри Трумэна, сделанное 23 июня 1941 года, то есть на следующий день после нападения гитлеровской Германии на СССР: “Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом пусть они убивают как можно больше!”

Каково? Причем обратите внимание – сказано это не в узком кругу, а корреспонденту популярнейшей газеты “Нью-Йорк таймс”.

Вик. К.: Помню и еще одно, так сказать, образное выражение той же мысли Трумэна: “Если мы положим Германию в гроб, то Россию надо положить на операционный стол”. То есть чтоб делать с нами все что угодно...

Вад. К.: Однако это у наших либеральных историков и журналистов, видимо, цинизмом не считается. Любезная их душе Америка и ее деятели могут быть только мудрыми, цивилизованными, гуманистическими, защищающими права человека и т. п. Даже если тот же Трумэн бросает атомные бомбы на японские города – без какой-либо крайней военной надобности, а просто так – для эксперимента и, конечно, для устрашения мира. Вот они, двойные стандарты Запада и “туземных” его подпевал в нашей стране!

Вик. К.: А в каком смысле вы говорите об историке Наринском и ему подобных как о носителях “культы личности”?

Вад. К.: Ну как же! Они ведь предьявляют Сталину высочайшие моральные требования, каких деятелям Запада отнюдь не выдвигают. Причем требуют, чтобы Сталин неукоснительно соблюдал некие абстрактные нравственные нормы и принципы во внешнеполитических делах в ситуации войны. И кто требует! Александр Николаевич Яковлев или тот же Волкогонов, которые продемонстрировали в своих писаниях и в своем поведении полное отсутствие всяких нравственных норм...

Вик. К.: Да, как говорится, чья бы корова мычала. А безнравственное поведение лидеров западных стран, которые волею судеб стали вроде бы нашими союзниками в ходе великой войны, проявилось ведь с вопиющей наглядностью! Хотя по вполне понятным причинам тут нынче тоже многое старательно замалчивают. Чего стоила вся эта до крайности неприличная возня с открытием второго фронта...

Вад. К.: Вы правильно употребили определение – неприличная. Ведь реальную войну Великобритания и США начали только через три года после 22 июня 1941-го! Когда наши войска уже вышли к государственной границе и готовы были начать победный поход по Европе.

А что было до этого? Да именно неприличная возня – отговорки, увертки, оттяжки, пускание пыли в глаза. Между тем уже тогда, во время войны, всем были очевидны истинные причины. Теперь же рассекречен ряд документов, которые официально подтверждают, что скрывалось за дипломатически-пропагандистскими уверениями союзников, будто они интенсивно готовятся воевать против Германии вместе с нашей страной. Уверения – одно, реальные планы и действия – совсем другое!

Вот 16 декабря 1941 года Черчилль по пути в Америку составляет очень знаменательную программу, посвященную целям действий Великобритании и

США. Вспомним, что за десять дней до этого, в ночь с 5 на 6 декабря, началось мощное контрнаступление Красной Армии под Москвой, развеявшее уверенность многих в непобедимости германских войск. Так вот, Черчилль с этого начинает: “В настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны являются провал планов Гитлера и его потери в России. Вместо предполагавшейся легкой и быстрой победы ему предстоит... выдерживать кровопролитные бои”. Но дальше? Что следует за такой констатацией? А вот что:

“Ни Великобритания, ни Соединенные Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки, которые мы обещали”.

Вы понимаете? Оказывается, цель действительного участия в действительной войне с Германией даже и не ставилась!

Ну а вся задача двух стран в наступающем 1942 году была сведена к следующему: осуществить “оккупацию Великобританией и Соединенными Штатами всех французских владений в Северной Африке и установление их (то есть Великобритании и США) контроля... над всем Североафриканским побережьем от Туниса до Египта, что обеспечит, если это позволит положение на море, свободный проход через Средиземное море к Ливану и Суэцкому каналу”.

Таким образом, цель была не в реальной и эффективной войне против Германии для скорейшего ее разгрома, а в обеспечении прохода по Средиземному морю к британским колониям в восточной части Африки и в Азии, поскольку другой возможный путь – вокруг Африки – был примерно на 15 тысяч километров длиннее...

Вик. К.: Словом, цель сугубо своя – без оглядки на льющуюся кровь русских, советских людей.

Вад. К.: Именно так, и Черчилль это неоднократно подчеркивает.

Вик. К.: Вся дальнейшая политика союзников строилась ведь в том же расчетливо-корыстном духе?

Вад. К.: Безусловно. Пройдет около года после составления сэром Уинстоном процитированного документа, Красная Армия в ожесточенных боях остановит гитлеровское наступление под Сталинградом – и тот же Черчилль разработает еще один секретный меморандум. Тоже весьма характерный!

“Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе, – пишет он, заметьте, во время Сталинградской битвы. – Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое...”

Вик. К.: Возникает вопрос: против кого?

Вад. К.: Да ясно же – против “русского варварства”! Под Сталинградом и на всем протяжении огромного фронта русский народ и другие народы нашей страны кладут свои жизни, в том числе за культуру Европы, а в это время называющие себя союзниками вынашивают тайные планы, как объединенными усилиями расправиться с “этой страной”.

Вик. К.: Вот где верх безнравственности и цинизма!

Вад. К.: Интересы, правят интересы. И это не приходит в голову на Западе никому вменить в вину – Черчиллю либо Рузвельту. Наоборот, эти фигуры безоговорочно представляются не только великими политиками, но и выдающимися представителями западной цивилизации. Ну а Рузвельт – так просто образец благородства, особенно для наших “туземных” авторов, которые могут говорить и писать о нем только с восторженным придыханием. Между тем не кто иной, как он, Рузвельт, еще 1 апреля 1942 года одобрил доклад начальника штаба армии США Маршалла, в котором осуществление высадки войск в Европе “ставилось в зависимость от двух условий:

- 1) Если положение на русском фронте станет отчаянным...
- 2) Если положение немцев станет критическим...”

Обратите внимание: в одном случае – “отчаянное”, в другом – всего лишь “критическое”. Очень пристально отслеживалось это в США, и, когда к середине 1944 года положение немцев стало уже несомненно критическим, Америка начала реальную войну. Причем для нее, так же как для Англии, по сути это была теперь война не столько для разгрома Германии, сколько для “спасения” как можно большей европейской территории от России...